

Юнь Шан однажды сопровождал Нулу по этой дороге, и мрачная атмосфера вызывала у него сильную неприязнь. Здания здесь были слишком старыми, создавая ощущение, что их вот-вот снесёт ветром. Он несколько раз уговаривал Нулу выбрать другой путь, но она лишь вспыхивала гневом.

— Ты даже не прикасаешься ко мне, а ещё пытаешься указывать, где мне ходить? Мне нравится здесь, и я буду ходить именно так!

Когда Нула злилась, тайский язык сыпался из неё, как горох. Её уникальный акцент добавлял комичности ситуации, и, надев маску, она могла бы сойти за настоящего клоуна.

Юнь Шан каждый раз не мог сдержать улыбки, глядя на её разгневанное лицо.

А Нула, видя его насмешливую улыбку, лишь ещё больше раздражалась. Она кричала на ломаном китайском, который выучила лишь недавно:

— Я хочу здесь делать, ты делай уход...

— Это «уходи»!

— Делай уход.

— Уходи!

— Делать.

Юнь Шан перешёл на тайский:

— Ты слишком похотлива, да? Каждый день только и думаешь о том, чтобы «делать». Тебе не надоело?

Нула:

— ...

Эх, не слушаешь старших — потом пожалеешь. Как верно сказано! Этот таиландец просто не хотел слушать, а теперь вот что получилось. Действительно...

Юнь Шану было жаль ругаться. Ведь это его бывшая девушка, которая уже однажды умерла в его сердце. Ругать её дальше было бы против его совести. Нужно знать меру.

Он вошёл в переулок Цуйпи, где издали почувствовал запах гари. Сначала запах был отвратительным, но, вдохнув глубже, можно было уловить лёгкий аромат. Поднялся ветер, и запах благовоний из религиозного храма за пределами Чайна-тауна смешался с ароматом диких цветов, растущих в переулке. Этот запах мог вызвать привыкание.

Юнь Шан принюхался и ускорил шаг. Вскоре он увидел вдали мигающие огни полицейских машин и ограждение, за которым толпились зеваки, которых сдерживали худощавые тайские полицейские.

Он уверенно подошёл к месту происшествия. Полицейский хотел остановить его, но Юнь Шан что-то тихо сказал ему на ухо, и тот сразу же пропустил его, командуя окружающим:

— Расступитесь, расступитесь! Полиция работает, дайте пройти!

Недовольная толпа раздвинулась, и Юнь Шан подошёл к телу Нулы, покрытому белой тканью. Он присел, приподнял край ткани и заглянул внутрь.

Нула упала лицом вниз, и её и без того крупное лицо теперь напоминало лепёшку. Черты лица исказились, нос и рот слились воедино, а глаза, кажется, вовсе исчезли. Кровь стекала по лицу на землю, делая её и без того тёмную кожу ещё более мрачной.

Юнь Шан зевнул и посмотрел на старую постройку. Стены здания почернели, штукатурка почти полностью осыпалась. Нула шла здесь как раз в тот момент, когда огромный кусок штукатурки с 15-го этажа упал ей на голову, убив на месте.

Юнь Шан вздохнул, размышляя о превратностях судьбы. Если бы Нула утром поспорила с ним подольше или задержалась, одеваясь, она бы избежала этой участи.

Он потрогал упавшую штукатурку, которая рассыпалась при малейшем касании. Встав, он проигнорировал заместителя командира, который хотел подойти к нему, и вошёл в здание.

Едва переступив порог, он увидел лифт, обклеенный мелкими объявлениями. Он медленно подошёл к нему, собираясь нажать кнопку, как вдруг почувствовал холодный ветерок над головой. Повернувшись, он увидел пару больших глаз.

Владелец этих глаз был почти полностью скрыт в темноте, но его глаза горели ярким светом. Он смотрел на Юнь Шана через щель между лестницами, и его нарочито мрачный голос прозвучал:

— Тебе не следовало сюда приходить.

Юнь Шан не расслышал:

— Что?

— Если ты пришёл, умрёт ещё больше людей.

Юнь Шан усмехнулся. Его уголки глаз опустились, а губы растянулись в стандартной фальшивой улыбке.

— Мне не следовало сюда приходить, а тебе можно? Малыш, хватит пугать людей, иди домой к маме.

Большеглазка вытянул руку из темноты и указал за спину Юнь Шана:

— Моя мама прямо за тобой.

Юнь Шан снова засмеялся:

— Ты, малыш, уже в таком возрасте умеешь пугать людей.

Но большеглазка не шутил:

— Правда, посмотри сам.

Юнь Шан медленно кивнул:

— Хорошо, посмотрю, посмотрю...

Он обернулся, но никого не увидел.

Повернувшись обратно, он обнаружил, что большеглазка, который был в пяти метрах, теперь стоял прямо перед ним. Его лицо было ужасающим, словно демон из зарубежного фильма ужасов.

Большеглазка смотрел на Юнь Шана, его глаза были полны смерти. Через мгновение он намеренно понизил голос и сказал:

— Тебе действительно не следовало сюда приходить...

Юнь Шан на секунду замешкался, но затем крикнул:

— Маленький чертёнок, хватит пугать! Проваливай!

Большеглазка, с растрёпанными волосами, носил силиконовую маску, которая делала его рот окровавленным. В сочетании с искусственными зубами, когда он открывал рот, он действительно напоминал хищника из фантастики.

В темноте Юнь Шан не разглядел его ужасный вид, но теперь, стоя рядом, он понял, что в темноте это могло бы напугать кого угодно. Однако глаза этого ребёнка были невероятно красивыми. Они были узкими, но выглядели как двойные веки, а ресницы были длиннее, чем у Юнь Шана. Его глаза были чистыми, как зеркальная поверхность озера, и в них можно было увидеть всю вселенную.

Если бы не эти прекрасные глаза, Юнь Шан уже давно бы ударил его. Сегодня у него было плохое настроение, и он уже сдерживался.

Теперь, когда зеркальная поверхность глаз ребёнка заблестела, он заплакал:

— Уууу, ты, взрослый, ругаешь меня, ребёнка...

Юнь Шан был в замешательстве:

— Хватит пугать, я бы не стал тебя ругать.

Он сказал это и снял маску с лица большеглазки:

— Такое красивое лицо...

Он не закончил фразу, потому что понял, что лицо ребёнка было далеко не красивым.

Оно было уродливым.

Лицо ребёнка было деформировано, будто он родился слишком рано или что-то пошло не так во время беременности. Его рот был искривлён, верхняя губа слегка вывернута, а нижние зубы торчали вперёд, образуя неправильный прикус. Нос, если рассматривать отдельно, был красивым, но в сочетании с таким ртом казался непропорционально большим.

Юнь Шан посмотрел на маску в руках и понял, что она выглядела лучше, чем лицо ребёнка. Ирония заключалась в том, что страшная маска была красивее его настоящего лица.

Юнь Шан вздохнул. Этот ребёнок, вероятно, был беспризорником, брошенным родителями в раннем возрасте.

Он не мог равнодушно смотреть на таких детей, ведь сам когда-то был одинок в этом мире.

Большеглазка не заметил перемены в настроении Юнь Шана. Он лишь разозлился из-за снятой маски, вытер слёзы и отобрал её обратно:

— Я пугаю людей уже много лет, и только ты меня ругал.

Автор хочет сказать:

Сначала выложу 10 000 слов, а после завершения текущей книги начну обновления с 15 декабря. Чмок.

<http://bllate.org/book/16895/1566494>